

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА

В 20—30-е годы жизни в Художественном театре обрела новые очертания. Ритмы современной эпохи восприняла и радостная театр, его атмосферу ощущали и Станиславский и Немирович-Данченко, обостренно чувствующие ответственность за его судьбу. «Золотые правила» призывали киче доверию Тарасовой и Анны, Андреевой и Ершовой, Хмелева и Янина, Степановой и Прудкина, проживших у МХАТа «пятнадцать лет» жизни. «Второе поколение» (для нас «великие старики») застало время, когда Станиславский и Немирович-Данченко были в театре от десяти до сорока, считали нужным войти во все мелочи, следя за нравственной дисциплиной внутри.

В протоколах спектаклей МХАТа хранится запись рукой Станиславского, сделанная 28 января 1928 года после сыгранного во второй раз на театральном в Ленинграде спектакля «Дядя Ваня»:

«Пьесы Чехова — на паузах, как и почти все наши пьесы. Требуем полной тишины. Подождав зрители приходится отдавать на водоросле необходимого замужества порядка. Не просим, ни уговору не действуем. Сегодня после того, как все уехали в последнем акте «Дядя Ваня», пока я был на сцене, был страшный шум, тобы, разговоры. Сцена, требующая тишины, была испорчена. Когда я кончил роль я ушел за кулисы, т. е. во время самого важного финального монолог, разделял охоту громкий стук железной двери (то в комнате, то в Дядя Ваня) громкий разговор. Я бросился к пожарной комнате. Оттуда выдох. Какой-то очень молодой человек стоит, сопровождаемый зав. пожарной охраны. Я предрекаю им, что так делать нельзя. Оба неслышны, не слушают то, что я объясняю им, что я главный режиссер и отвечаю за сцену. Пришлось решительно настоять. Я промолвил самые решительные меры, чтобы возродить порядок на сцене во время акта и вынуть пожарный, как они должны себя вести. Боясь что не успею — промолвил: «Шестерня». Сергей Александрович — обратись куда следует, для того, чтобы была возможность играть».

Свое отношение к сцене воспитывалось каждый день на репетициях, во время спектаклей, после них.

Среди бесчисленных, будоражащих театр проблем, Станиславского особенно волновала проблема жизни спектакля. На нее он обращал большое внимание. Дух творчества, умение трудиться, подчинение себя театру были законом для основателей Художественного театра.

Руководители театра могли быть и режиссеры. Сохранилась короткая запись Немировича-Данченко перед выпускном спектакле «Три толстяка». Репетировал спектакль больше года, премьеры сыграл 24 мая 1930 г. и Немирович-Данченко был явным режиссером, что режиссеры Москвитин, Горюхов и Телешев торжественно показали его зрителю. Записки Немировича-Данченко:

«Шестерня» называлась группа молодых — Хмелев, Баташев, Митрофан, Завидский, Прудкин, Суданов, — занимавшаяся в те годы ежедневными делами управления театром. Сергей Александрович Петрушинов был работником МХАТа.

«Положение, в каком очутился театр с 8 мая, безобразное, хаотичное, базар, не готовое, наших выпускных! Почему! Разве был плох дядя Ваня? Ведь нет. Историческая работа. Спектакль священный — испорчен хоромаша пьеса. Кто в этом виноват? Я! Чему!».

Но спектакль выступил, правда, прошел он всего 91 раз, но имел огромный зрительский успех. После записки Немировича-Данченко все сразу подобрались и с трепетом ждали

Вот — читальный зал Музея МХАТа. Здесь с удивительной бережливостью хранятся архивы «Великих» и неведомых «стариков». Художественного театра, протоколы и стенограммы репетиций, альбомы рецензий, коробки с личными документами. Можно отгнаться и старым бумагам толкну на и документам, но можно увидеть больше: «воздух» времени, особый уклад жизни театра.

ЗА КУЛИСАМИ И НА СЦЕНЕ

Теоретическая дисциплина — сила и успех любого театра

его разрешения сыграть на публике.

К дисциплине Немировича-Данченко был особенно строг. В протоколах репетиций спектакля «Три сестры» хранится запись (27 апреля 1939 года): «Тарасова пришла на репетицию позднее на 7 минут. Причина — болезнь сына, возле которого она задержалась». Сбоку резолюция зав. группой Кабушко: «Просту Тарасову принести справку о болезни сына». А ведь Тарасова, в 1939 году была уже признанная всей страной «первая актриса» театра, народная артистка СССР, прославленная исполнительница ролей Анны Карениной. Порядок, установленный Немировичем-Данченко, был для всех един.

Конечно, во МХАТе те лет существовало и соперничество, и неизбежное недовольство, но, как вспоминает Марков, «все было до произвольности трогательным в самой сути отношения к театру. Было во МХАТе доверие, лет как-то особое достоинство, сознание важности и необходимости своего участия в деле. Актрисы знали, что Немирович-Данченко может в любой момент войти в ложу и посмотреть кусок спектакля. Чувство ответственности было развито очень сильно. Отказаться от роли, от спектакля, попросить замены, даже подумать об этом, казалось кощунством. В субботние и воскресные дни в репертуар шли только значительные спектакли, играли первый состав».

17 февраля 1936 года Всесоюзный комитет по делам искусства (он был создан в январе 1936 г., первый председатель — Керженцев) издал постановление: ввести по примеру МХАТа аналогичный порядок во всех театрах страны.

Дисциплина при Немировиче-Данченко была строга. И дело было, конечно, не в административных мерах, тонкое, бережное отношение воспитывалось «стариками», именно оно создавало покоряющую атмосферу в театре.

«Старик» ограничивал свои выступления на сцене, боясь, что их могут удержать на «халтурах». В архиве Луцкого сохранилось его письмо от 12

января 1931 года устроило концерт в Ленинграде, посвященный 100-летию Болдинского периода творчества Пушкина:

«...Тут на двух выступала с Москвитным в «Стендаля» и замесила, что Иван Михайлович перепел два-три брызга у Фомы. Когда он кончил, у него было лаб был в крупе, шепотом, Леонид Мировичем («Леонид») перед чтением «Идиота» был с как лаб холмидными руками. Сорогте

Перетту Александрову (мою жену), сколько стоила мне нервов и сколько вышло было брону и других усложняемых средств перед выступлением чтения Чехова вызвала и то же «Села Степановича»! А у меня еще работа с отрывком из «Преступления и наказания». Я вот его только несколько дней как покиска с Тарасовой тому же Москвитну. Вот бы прилажила руку к моему сердцу как очутился бы мое тело — вложное ла оно было, когда я кончила отрывок! «За коньяком», которое я уже здесь в сезоне прочла не менее 6 раз, да и на сцене сыграла 150 раз, — каждый раз ступил сля, кровь в пота!».

Все эти архивные материалы, ни разу не публикованные в печати (только запись Станиславского после «Дядя Ваня» частично вошла в летопись «Жизни и творчество Станиславского», составленную Виноградовой), свидетельствуют сами по себе и оцеляности, а об отношении к делу, к занятию «артист Художественного театра».

С годами у «стариков» первого поколения не было стремления ни к славе, ни к знакам внешнего выражения. Найдено письмо в редакцию газеты «Известия», написанное Немировичем-Данченко:

«В Актураторном календаре 1939 сказано, что в этом году (23 декабря) будет 80 лет со дня моего рождения. Это дело первой артистки — прислать мне мое ладья, а жалется, в организации как-то чествовать мое 80-летие. А между тем в Актураторном календаре ошибка: я родился не в 1859, а в 1858 (моя метрика сохранилась). Так что 80 лет мне минуло еще год назад. И тек как случайно это приблизительно совпало с 40-летием юбилея театра, то я был почтен в правительством, в общественностью на совершенно достаточной мере. Из всего этого легко заключить, что ни о каком воном чествовании даты моего рождения не может быть речи».

С искренним приветом. Народный артист СССР Немирович-Данченко. Только-только были поставлены им «Анна Каренина» и

«Горе от ума». А впереди была «Три сестры» — самое законченное и гармоничное создание советского театрального искусства.

Музей МХАТа, его сотрудники — преданные делу люди — и чтут, и хранят эти удивительные документы эпохи. Упал спектакль тек лет, упали художники, создавшие их, но оставили бумагу, в них — личност, биографии, судьбы. В них — «музыка времени», «тайны творчества». Станиславский, как никто, понимал их.

Передо мной одна из записных книжек Станиславского (их готовит к изданию, пожалуй, самый большой знаток наследия Станиславского и Немировича-Данченко доктор искусствоведения Инна Соловьева). Никогда прежде не публиковавшаяся запись о психологии артистической личности:

«В большинстве случаев серьезные артисты капризны на репетициях и в ложи относятся замечания, к ним относятся, не потому, что эти замечания оскорбляют их самолюбие, а потому, что они сердятся сами на себя, так как их не верят в пугает, когда они не слышат того, что от них требуют. Они боятся сами разочароваться в своем таланте и в способностях. Страшно выходить на публику без веры в свой талант. Артисту необходима известная доля самоуверенности, и потому он боится всего больше потерять эту веру в себя. Конечно, еще не знает самодовольства серьезные артисты с большим самолюбием не принимают замечаний потому, что их самолюбие не выносит их».

Капризы первых известных артистов в заслуживают внимания, тогда как обиды вторых не возбуждают ни сочувствия, ни снисхождения. Артист, не способный выслушивать критики, должен остановиться в своем артистическом развитии и пойти назад».

Станиславский, как никто другой, понимал актрисую психологию, театрально осмыслил муки творчества артиста, обязанного, конечно, не только вечером всегда «быть в форме».

Сегодня новый МХАТ осливает реальность наших дней. «Бог театрального времени» не остановит. «Все новое, что принес Художественный театр в мировую театральную культуру, он принес через актера. Репутация Художественного театра была завоевана актерами-художниками, актерами-личностями» — напоминает Олег Ефремов.

Да, все было именно так. Зигзаги, из каких складывалась ломаная кривая жизни МХАТа, было недостаточно, неизменным было одно — исследование современной психологии и непреложные законы нравственной культуры без которых не рождается искусство. Коренное постоянно этических законов жизни первого поколения мхатовских племян и поныне. Задача современников — сохранить их, а сохранить их можно только при условии, что они будут передаваться последующим поколениям, обогатив живую преемственность, всегда описано — «что-то становится невозможным».

Может быть, потому показало важным повествовать хотя бы крохотную толку неупубликованных материалов, свято хранящихся в Музее МХАТа.

Виталий ВУЛЬФ.